

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№32

май 2014

Информационно-аналитический журнал
Иран

№ 32
май 2014 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2	Президент Ирана Хасан Рухани: Мы не желаем мириться с ядерным апартеидом <i>Jamejam online</i>27
Астраханский саммит и ожидания прикаспийских государств.....5	Треугольник Иран — Пакистан — Саудовская Аравия: острые углы сглаживаются <i>Михаил Агаджанян</i>29
По итогам визита Александра Новака в Тегеран.....9	Россия-Иран: Реанимация военно-технического сотрудничества.....32
В борьбе с санкциями России нужен иранский опыт.....13	Путин встретился с Роухани: Россия продолжит сотрудничество с Ираном «вопреки турбулентностям» <i>Игорь Субботин</i>36
Иран, Китай и оборонная специфика шелкового пути в третьем тысячелетии.....18	Политика Рухани — движение к Востоку без вражды к Западу <i>Мохаммад Нури</i>37
Соглашение между Ираном и «шестеркой» может быть достигнуто в срок.....23	
Военная демонстрация Саудовской Аравии: Иран не единственная цель <i>Михаил Агаджанян</i>24	

Краткое содержание номера

Все актуальное и значимое, что происходило в мире вокруг Исламской республики — главная тема и краткая суть очередного, 32-го номера нашего журнала «Современный Иран». Происходило многое, но главным трендом следует все же считать интенсивный поиск оптимальных форматов партнерских отношений между Тегераном и Москвой. Медленно и неуклонно закладывается фундамент новых отношений между нашими странами, и эти отношения формируют новую архитектуру безопасности и экономического сотрудничества на огромном пространстве — от Персидского залива до Средней Азии и Китая.

Саммит глав внешнеполитических ведомств прикаспийских государств, включая Россию, Исламскую республику Иран, Казахстан, Республику Азербайджан и Туркменистан, прошел в Москве 22 апреля. Целью этого саммита министров иностранных дел было согласование юридических аспектов использования Каспийского моря, однако, как оказалось, до принятия полноценного соглашения требуются все новые консультации. О причинах разногласий и путях их преодоления — в статье *«Астраханский саммит и ожидания прикаспийских государств»*, которая открывает новый номер журнала.

Визит российского министра энергетики Александра Новака в Тегеран и проведенные им в Иране переговоры вызвали в экспертной среде двойственную реакцию. Пессимисты с разочарованием отметили то обстоятельство, что «большой нефтяной контракт» так до сих пор и не подписан. Оптимисты сосредоточили свое внимание на новом совместном проекте по строительству тепло- и гидроэлектростанций, а также полной модернизации иранских энергетических сетей. «Реальное же состояние российско-иранских отношений сегодня находится ровно посередине между завышенными ожиданиями и пессимистическими прогнозами — в максимально конструктивной и деловой фазе», говорится в материале *«По итогам визита Александра Новака в Тегеран»*.

Но внешняя обстановка, складывающаяся вокруг России накаляется, и виной этому — агрессивная позиция Запада, недовольного воссоединением Крыма с Россией. На гори зонте замаячила угроза санкций в отношении Москвы, а кто, как не Исламская республика в нынешнем мире умеет не только эффективно противостоять, американским санкциям, но и при этом не снижать темпов экономического роста. *«В борьбе с санкциями России нужен иранский опыт»*, говорится в одноименной редакционной статье Iran.ru — «санкции сегодня используются США чаще, чем традиционное дипломатическое давление, операции спецслужб, военные действия или угроза применения оружия. И в этом плане у Ирана есть успешный опыт противостояния давлению Запада, который должен быть востребован Москвой».

Встреча министров обороны Ирана и Китая в Пекине в рамках расширения сотрудничества в сфере безопасности и военной защиты стала важным шагом в обеспечении стабильности обоих государств и устранения их совместных опасений, связанных с распространением экстремизма и терроризма.

На протяжении последних десятилетий Пекин является одним из основных политических, экономических и стратегических партнеров Исламской республики Иран, поэтому развитие двустороннего сотрудничества всегда имело огромное значение для обеих стран. Подробности — в материале *«Иран, Китай и оборонная специфика шелкового пути в третьем тысячелетии»*.

Военные маневры Саудовской Аравии в конце прошлого месяца были оценены большинством экспертов под призмой сдерживания аравийцами угрозы со стороны Ирана. На это косвенно указывали как заявления представителей генералитета крупнейшей монархии Персидского залива, так и демонстрация некоторых средств поражения из военного арсенала саудовцев. По словам начальника генштаба страны *Хусейна ибн Абдаллы аль-Габайела*, целью учений было повышение уровня подготовки и проверка возможностей вооруженных сил в сдерживании нападения. Наиболее вероятным противником семья аль-Сауд продолжает рассматривать Иран. Об этом и других особенностях военных угроз, исходящих от Саудовской Аравии, рассказывается в статье *«Военная демонстрация Саудовской Аравии: Иран не единственная цель»*.

Май был месяцем активных дипломатических контактов Ирана с соседями по региону. Так, например, визит премьер-министра Пакистана Наваза Шарифа в Иран пришелся на период интенсивного поиска всеми ключевыми игроками Ближнего Востока новых возможностей продвинуть свои позиции в регионе. Предыдущие барьеры для налаживания межгосударственных связей постепенно теряют свою актуальность. Режим санкций против Ирана уже ослаблен и можно ожидать его дальнейшего смягчения. Ни один из крупных соседей Ирана, включая его традиционных оппонентов в лице Саудовской Аравии и ее ближайших партнеров в регионе, не намерен пренебречь удобным моментом улучшить свои отношения с Тегераном. Нюансам и тонкостям складывающейся ситуации посвящен материал *«Треугольник Иран — Пакистан — Саудовская Аравия: острые углы сглаживаются»*.

Заявление российского и иранского министров обороны, Сергея Шойгу и Хосейна Дехгана о том, что «Россия и Иран будут развивать военное и военно-техническое сотрудничество, учитывая сложившуюся в мире политическую обстановку», сделанное в ходе двусторонней встречи в рамках международной конференции по безопасности в Москве на прошлой неделе, стало настоящей сенсацией. Военно-техническое сотрудничество, провозглашенное российским и иранским министрами обороны, является насущной потребностью и для Москвы, и для Тегерана, поскольку даже до самого неискушенного в политике обывателя «доступалась» простая мысль: без тесного партнерства и взаимодействия в самых различных отраслях, от экономики до обороны и борьбы с международной преступностью, Россия и Иран будут нести серьезные потери. О перспективах и особенностях происходящего диалога силовиков наших стран — в статье *«Россия-Иран: Реанимация военно-технического сотрудничества»*.

Визит в Китай иранского президента Хасана Рухани стал основой расширения дипломатического спектра работы нынешнего правительства Исламской республики. Незадолго до этого президент сообщил о новой тенденции во внешней политике государства. Так, в одной из своих последних телевизионных бесед, касаясь дипломатической сферы, он неожиданно

заявил, что Иран собирается начать новое сотрудничество с двумя восточными державами — Россией и Китаем. Подобное заявление Рухани стало неожиданностью для Запада, который предполагал, что в лице президента Ирана он имеет умеренного и чуть ли не прозападного политика. Если целью внешнеполитической команды Рухани, хотя бы в среднесрочной перспективе, является отмена санкций западного блока, осуществится ли эта мечта сторонников иранского президента на фоне его действий, намеченных параллельно с поездкой в Китай? На этот вопрос на страницах журнала пытается ответить автор статьи *«Политика Рухани — движение к Востоку без вражды к Западу»*.

Переговоры иранских представителей с руководством Китая и России начались в условиях того, что уже на протяжении шести месяцев регулярных встреч с западными дипломатами в Женеве и Вене Исламская республика так и не смогла добиться хотя бы относительного доверия к себе со стороны Европейского Союза и Соединенных. Опыт прошлых лет научил Иран не ставить свою судьбу в зависимость от милости или гнева других держав, но современный мир диктует свои законы, главным из которых является наличие партнеров и союзников. Собственно, этой главной цели, партнерству и союзничеству нашими странами и уделяет основное внимание наш журнал *«Современный Иран»*, новый, 32-й номер которого вы сможете прочесть уже сегодня.

Астраханский саммит и ожидания прикаспийских государств

Целью недавнего саммита министров иностранных дел пяти прикаспийских государств было согласо-

вание юридических аспектов использования Каспийского моря, однако, как оказалось, до принятия полноценного соглашения требуются все новые консультации. Саммит глав

внешнеполитических ведомств прикаспийских государств, включая Россию, Исламскую республику Иран, Казахстан, Республику Азербайджан и Туркменистан, прошел в Москве 22 апреля.

Его участники достигли серьезного прогресса в согласовании юридических аспектов использования Каспия, однако по всем признакам можно судить, что до подписания окончательного соглашения им предстоит еще долгий путь.

Спустя более 20 лет после распада Советского Союза высшее руководство пяти прибрежных государств прилагает все усилия для дипломатического урегулирования вопросов, связанных с разными проблемами использования акватории.

По сообщению российского новостного агентства РИА-Новости от 22 апреля, прикаспийские страны, несмотря на проведение различных заседаний, до сих пор не смогли достичь универсального решения для выработки эффективного и надежного юридического режима использования данной территории.

26 апреля сайт иранского Центра изучения Ирана и Евразии (IRAS) написал следующее: «Министры иностранных дел пяти прикаспийских государств в некоторой степени пришли к общему мнению касательно общих принципов юридического статуса моря, однако все еще остаются несколько ключевых вопросов, которые будут рассмотрены на профессиональном заседании в Тегеране».

Целью недавнего московского саммита стало согласование организационных моментов проведения встречи лидеров пяти стран, которая должна состояться в августе нынешнего года в Астрахани.

Поэтому главы дипломатии Исламской республики Иран, Республики Азербайджан, Казахстана и Туркменистана прибыли в российскую столицу, чтобы принять проект окончательного документа о правовом режиме Каспийского моря для его подписания лидерами прибрежных государств.

Предыстория

Для разрешения имеющихся разногласий пять прикаспийских государств ведут переговоры более 20 лет. Их лидеры уже неоднократно обменивались мнениями по этому вопросу в ходе ряда встреч в Ашхабаде, Тегеране и Баку. Тем не менее, пока удалось подписать лишь некоторые соглашения по вопросам экологии и запрета допуска военных судов, а некоторые разногласия, например, касательно разделения морских границ, все еще остаются нерешенными.

По сообщению Центра изучения Ирана и Евразии от 22 апреля, проблема определения правового статуса Каспийского моря встала с момента распада Советского Союза в 1991 году.

Еще тогда Москва и Тегеран делали акцент на том, что вплоть до принятия нового решения о статусе моря следует признавать действительными прошлые соглашения, подписанные между СССР и Ираном в 1921 и 1940 годах.

Ввиду особой важности темы в скором времени ею стали заниматься представители общественности, юристы, политологи и даже экономисты, поскольку весьма значимым оказалось обсуждение вопроса использования нефтяных и газовых ресурсов Каспия.

По мнению специалистов по международным отношениям, для выработки общих принципов соглашения удалось предпринять два важных шага.

Во-первых, все пять прибрежных государств согласились продолжать свою работу на ежегодных заседаниях на уровне специалистов и заместителей министров иностранных дел. За все эти годы таких заседаний прошло уже несколько десятков.

Во-вторых, каспийские страны пришли к единому мнению о том, что до окончательного установления нового юридического статуса моря они не будут заниматься разведкой и добычей энергоресурсов на спорных территориях, но вправе делать это на береговой части, которая относится к их сухопутным границам и находится под их собственной юрисдикцией.

Причины разногласий и продолжительности переговорного процесса

По сообщению информационного агентства IRNA от 23 апреля, ввиду затягивания процесса переговоров прикаспийские страны были вынуждены разделить некоторые вопросы юридического статуса Каспия, чтобы быстрее договориться о тех аспектах, по которым нет разногласий либо они касаются незначительных деталей.

В связи с этим лидеры пяти государств на своей первой встрече в Ашхабаде в апреле 2002 года смогли прийти к общему мнению о борьбе с экологическим загрязнением Каспия и способах защиты воды самого большого озера мира.

В конвенции об экологии Каспийского моря от 5 ноября 2003 года, известной как «тегеранский документ», из-за чрезмерной продолжительности переговорного процесса стороны были вынуждены вынести за рамки обсуждения вопросы юридического статуса.

Впоследствии этот документ был окончательно ратифицирован во всех пяти странах и считается первым правовым актом, который засвидетельствовал их действительное сотрудничество.

Прибрежные государства также пришли к единому мнению относительно общих принципов ведения рыбных промыслов, защиты флоры и фауны Каспия, а также морских перевозок. В этой сфере самым важным документом является декларация из 15 пунктов, принятая на втором саммите лидеров прикаспийских государств в Тегеране в октябре 2007 года.

Следует также сказать, что в указанной декларации также были затронуты и другие вопросы, такие как сотрудничество между прибрежными государствами в сфере безопасности и вооруженных сил для противостояния экстремизму и терроризму.

В итоговом документе, принятом на третьем саммите в Баку в ноябре 2010 года, главы пяти стран договорились о подписании договора о сотрудничестве по безопасности и военной сфере. Этот документ можно считать вторым важным договором, заключенным между прикаспийскими государствами.

Вместе с тем ввиду того, что еще не достигнуто единого мнения всех стран по самым главным спорным вопросам, таким как определение водных границ, критериев деления морского дна и его недр, фактические детали реализации данных соглашений все еще остаются неясными.

Как отмечается в одной статье, размещенной на сайте немецкой медиа-компании Deutsche Welle 23 апреля, если вникнуть в суть противоречий по поводу юридического раздела Каспийского моря, то можно заключить, что все пять прибрежных государств добиваются реализации собственных взглядов, которые по разным причинам не согласуются с мнениями других сторон. Вместе с этим Россия и Казахстан, которые имеют общую границу на севере Каспийского моря, путем заключения двухстороннего договора в 1998 году попытались временно решить эту проблему. Те же страны предприняли попытку прийти к общему соглашению с республикой Азербайджан и Туркменистаном, однако вплоть до сегодняшнего дня эти усилия не увенчались успехом.

Как написала 22 апреля российская газета «Коммерсант», существуют три модели решения данной проблемы.

Во-первых, водные границы можно определить на основе общего раздела Каспия на пять равных частей по 20% каждая. Однако с этим проектом не согласны Казахстан и Туркменистан, которые имеют самые протяженные водные границы по сравнению с Россией, Ираном и Азербайджаном, ведь в таком случае этим двум странам придется отказаться от части претендуемой акватории.

Во-вторых, имеется возможность провести границы по принципу длины береговой линии прикаспийских государств. Мешает реализации данной модели то, что из-за неровности береговой линии с ней не согласны Иран, Туркменистан и Азербайджан не могут прийти к общему мнению с Казахстаном и Россией.

В-третьих, существует вариант общего использования водных границ на поверхности всеми пятью государствами и раздела дна и недр на основе

длины береговой линии. Против такой модели выступает Иран, который считает, что в таком случае будет нарушен важнейший принцип справедливого разделения ресурсов и прибрежной зоны.

Из-за такой непростой ситуации уже 22 года сотрудничество пяти прибрежных государств в районе Каспийского моря осуществляется весьма проблематично. Несмотря на это, министр иностранных дел Исламской республики Ирана Мохаммад Джавад Зариф в интервью журналистам после недавнего московского саммита заявил: «Нам удалось выработать ряд позитивных решений касательно текста декларации, которую планируется принять на встрече лидеров пяти прикаспийских государств».

Кроме этого, он отметил: «Остались нерешенными некоторые вопросы, однако их будут рассматривать на предстоящем заседании экспертов и специальных представителей пяти стран в Тегеране, а затем в рамках еще одной встречи накануне проведения самого астраханского саммита».

Как становится ясно из данного заявления, стороны еще не достигли окончательного соглашения о юридическом статусе Каспийского моря.

Выводы

Заявления министров иностранных дел прикаспийских государств, сделанные в ходе последнего саммита в Москве, свидетельствуют о том, что окончательного урегулирования вопроса о правовом режиме Каспия еще предстоит добиться в ходе будущих переговоров. По всей видимости, ключевые противоречия сторон касаются распределения энергетических запасов.

Как бы то ни было, попытки прийти к схожему мнению все еще продолжаются и есть надежда полагать, что на предстоящем саммите лидеров прикаспийских государств в Астрахани будут достигнуты более значимые соглашения.

По итогам визита Александра Новака в Тегеран

Визит российского министра энергетики Александра Новака в Тегеран и проведенные им в Иране переговоры вызвали в экспертной среде двойственную реакцию. Пессимисты с разочарованием отметили то обстоятельство, что «большой нефтяной контракт» так до сих пор и не подписан. Оптимисты сосредоточили свое внимание на новом совместном проекте по строительству тепло- и гидроэлектростанций, а также полной модернизации иранских энергетических сетей.

Реальное же состояние российско-иранских отношений сегодня находится ровно посередине между завышенными ожиданиями и пессимистическими прогнозами — в максимально конструктивной и деловой фазе. Пожалуй, наиболее точным индикатором того, на каком именно уровне находятся российско-иранские отношения, является реакция официального Вашингтона, который более чем пристально следит за любыми движениями Москвы и Тегерана навстречу друг другу. Вполне понятно, что оформившийся политический курс руководства двух стран на стратегическое партнерство вызывает в правящих кругах США откровенное раздражение, а уж совместные экономические проекты и вовсе доводят Вашингтон до полуистеричного состояния.

Обращает на себя внимание, что при всех «миролюбивых» инициативах США в отношении Ирана, декларируемых администрацией Обамы, официальные представители этой администрации ни разу, подчеркиваем — НИ РАЗУ не выступили с заявлением о том, что доктрина Джорджа Буша-младшего, согласно которой Исламская республика была провозглашена «страной-изгоем» и «государством-участником оси зла» была политически ошибочной. И чиновники, и СМИ деликатно замалчивают данное обстоятельство, что вполне объяснимо — принцип провозглашения неуютной страны или неуютного политического деятеля «изгоем», со всеми вытекающими отсюда последствиями, экономическими и политическими, никуда не исчез. В нужный момент он извлекается из арсенала внешнеполитических вооружений США и начинает активно применяться.

Санкции в отношении Ирана не отменены, а лишь отложены, в западных масс-медиа сегодня в открытую обсуждается вопрос об объявлении России страной-изгоем, и вполне понятно, что совместные проекты Москвы и Тегерана, двух динамично развивающихся экономик, вызывают в Вашингтоне откровенное раздражение, поскольку ставят под угрозу эффективность главного «несмертельного оружия» США — санкционного режима, который

Америка вводит в отношении других государств по собственной инициативе, не обращая внимание на нормы международного права и положения ООН.

Основная оценка западными масс-медиа итогов визита в Тегеран министра энергетики России Александра Новака заключалась в том, что новый ирано-российский проект «энергетического моста» между двумя странами, да еще и с вовлечением в него Азербайджана, в добавок к «Большому нефтяному контракту», во-первых, сводит на нет стратегию администрации Обамы экономически «наказать» Москву за Крым и Украину в целом. А во-вторых, окончательно ставит жирный полумесяц на планах Вашингтона манипулировать санкциями в отношении Тегерана для оказания давления на иранскую позицию в отношении и ядерной, и ракетной программ.

«Большой нефтяной контракт»

Два этих, без преувеличения, огромных экономических проекта являются, образно говоря, могильной плитой в отношении западных планов монополизации иранского рынка и использования экономических рычагов для давления на Тегеран. Одновременно с этим «в корзину» летят и планы по обрушению российского бюджета через диверсификацию энергопоставок и устранению Москвы в качестве влиятельного игрока в регионах Ближнего Востока и Центральной Азии.

О «Большом нефтяном контракте», объем которого оценивается в \$20 миллиардов долларов и пятьсот тысяч баррелей иранской нефти в день, оплата которой будет производиться российской промышленной продукцией и инжиниринговыми услугами, портал Иран.ру писал более чем подробно. Его подписание до сих пор не состоялось по причине того, что аппараты правительств двух стран оказались не в состоянии оперативно произвести огромный объем различных процедур увязок и согласований. «Тело» контракта требует около 900 виз министерств и ведомств как на основной текст, так и на прилагаемые к нему протоколы, и ни российская, ни иранская сторона по ряду причин не сумели выполнить эту работу в достаточно короткий срок.

Но все не так критично, как может показаться, поскольку собственно, заключить контракт — это еще половина дела, другая половина — подготовить ресурсную базу, производственные и иные мощности к его реализации, что в условиях рыночных принципов не так просто. Происходящая сегодня модернизация российских нефтеперерабатывающих заводов привела к увеличению потребления сырой нефти внутри страны, объем которого будет нарастать и дальше. В 2012 Россия экспортировала 239,9 миллиона тонн, в 2013—236,6 миллиона, и процесс сокращения экспорта в нынешнем году вряд ли остановится. Все это происходит на фоне необходимости выполнения наших обязательств по своповым поставкам в Китай (360 миллионов тонн в течение 25 лет на сумму около \$270 миллиардов), для которых пока недостаточно мощностей нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО, от которого идет ответвление на Китай), о чем, кстати, неоднократно предупреждал российский нефтепроводный монополист «Транснефть». Все эти сложные вопросы требуют увязок, согласований и проработки вопросов «Большого нефтяного контракта», которые занимают достаточно долгое время.

«Энергетический мост» с изюминкой

Предложенный Россией «энергетический мост», о котором вел переговоры Александр Новак в Тегеране, гораздо «проще» в техническом отношении, если подобное определение вообще применимо к проектам такого уровня и такого масштаба. Речь идет о контракте стоимостью от \$8 до \$10 миллиардов, который предусматривает экспорт 500 МВт российской электроэнергии в Иран, строительство новых генерирующих мощностей и практически полную модернизацию иранских распределительных электросетей. Откровенной «изюминкой» данного контракта стало привлечение к нему Азербайджана, через территорию которого и пройдет энерготранзит, причем замминистра энергетики Азербайджана Натиг Аббасов уже сообщил, что «с технической точки зрения Азербайджан давно готов начать транзит электроэнергии из России в Иран через свою территорию. Все линии электропередач и подстанции уже готовы к этому».

Заявление Аббасова — это не просто констатация того факта, что «энергомост» осуществим технически. Собственно, электросети Азербайджана и России уже соединены электrorаспределительными сетями «Дербент» и «Ялама». В свою очередь энергообмен между Азербайджаном и Ираном осуществляется по пяти линиям: «Парсабад I», «Парсабад II», «Астара», а также посредством 132-киловольтных ЛЭП «Джульфа» и «Араз» по территории Нахичеванской Автономной Республики. Это еще и реальная «политическая» оплеуха Вашингтону, выступающему «куратором» другого энергетического моста на постсоветском пространстве, CASA-1000, который так и «не идет» дальше совместных прожектов, «принципиальных договоренностей» и красивого по исполнению сайта.

Реализация проекта энергетического моста Россия — Иран через территорию Азербайджана — более чем наглядное доказательство экономического потенциала России и ее возможностей «мягкого воздействия» на постсоветском пространстве, способности поэтапной реализации планов экономической интеграции даже с таким «сложным» партнером как Баку. Сделанные в ходе переговоров в Тегеране многозначительные обмолвки иранской и российской стороны о «возможности присоединения к данному проекту других стран» дают все основания предполагать, что «политическое содержание» предполагаемых контрактов гораздо глубже, чем это может показаться на первый взгляд. Глубже — и проблематичнее...

Москва-Тегеран: текущая формула взаимоотношений

Дипломатическое и экономическое давление извне, в условиях которого действуют Тегеран и Москва, серьезные внутренние дискуссии о внешнеполитических ориентирах, идущие внутри политических элит в наших странах, — все это если не ставит под угрозу курс на стратегическое партнерство, то, во всяком случае, серьезно влияет на его темпы. Проблемы диалога существуют и в Москве, и в Тегеране, и закрывать на них глаза было бы политической наивностью.

Часть иранских элит убеждена, что приоритетной задачей для Исламской республики являются сегодня успешные переговоры с «западной частью» Группы 5+1 по ядерной проблематике, поскольку это, по их мнению, приведет к снятию санкционного режима. В этих условиях «форсированное»

сближение с Россией, которое и так вызывает откровенное раздражение Вашингтона, может осложнить иранские позиции на переговорах. Официальные представители американской администрации недвусмысленно против любых экономических контрактов между Москвой и Тегераном, откровенно заявляя, что расширение связей Москвы и Тегерана может серьезно осложнить американо-иранские переговоры.

Одновременно с этим влиятельная часть московских элит уверена, что сближение с Ираном в условиях «резкого похолодания» российско-американских отношений может повлечь за собой как негативные последствия для отечественной экономики в виде западных санкций, так и вероятность определенной изоляции Москвы на международной арене, которую США и НАТО попытаются обеспечить.

Опасения части российских и иранских элит не ведут к свертыванию стратегического партнерства, но диктуют следующую формулу: политические отношения Москвы и Тегерана сегодня тесны как никогда, но на пути конкретных шагов для достижения партнерских отношений существуют технические проблемы. Стратегическое сближение Москвы и Тегерана — явление, в принципе, необратимое, поскольку отвечает глубинным стратегическим интересам обеих стран. Более того, это объективный процесс, который обусловлен требованиями экономического развития наших экономик в современных условиях и вызовами национальной безопасности наших государств, в том числе и в энергетической сфере.

Но темп этого сближения — фактор субъективный, во многом зависящий и от международной ситуации, и от текущей политической конъюнктуры, и от позиций элит, и от изрядно потрепанной в последние месяцы, но все еще мощной «пятой колонны» в России, и от набирающей силу и уверенность «пятой колонны» в Иране, и от решения массы «второстепенных» на первый взгляд вопросов. Повестка российско-иранских отношений не исчерпывается двумя масштабными экономическими проектами, она сложнее и многограннее. Одним из первых результатов российско-иранского сближения стало принятие вместе с другими прикаспийскими государствами стратегии урегулирования правового статуса Каспия без участия США, их партнеров и вообще других нерегиональных государств. Но самым блестящим результатом российско-иранского взаимодействия в новейшей истории стало внесение именно этими двумя государствами решающего вклада в прекращении братоубийственной войны в Таджикистане.

Еще два года назад почти никто не верил, что совместные усилия Москвы и Тегерана остановят агрессию США и их союзников в Сирии. Еще два года назад невозможно было предположить, что Иран и Россия будут напрямую обсуждать вопросы развития экономических отношений вопреки американскому диктату. А впереди — сложнейшие вопросы в связи с будущим Ирака и Афганистана, мирным процессом на Ближнем Востоке и развитием событий в Центральной Азии. Одним словом, глубинные сдвиги в российско-иранских отношениях начались, и преодоление технических проблем между нашими странами — лишь вопрос времени.

В борьбе с санкциями России нужен иранский опыт

По итогам встречи в Белом доме с канцлером Германии Ангелой Меркель объявлено о готовности ввести новые санкции в отношении России, если ситуация на Украине не стабилизируется до конца месяца. Союзники готовы ввести дополнительные санкции, если Москва помешает проведению президентских выборов на Украине 25 мая, заявил Обама в ходе совместной пресс-конференции с Меркель. В настоящий момент Еврокомиссия занимается выполнением указаний Белого Дома, идет разработка так называемых санкций третьей стадии. Кремль пока реагирует сдержанно, не поддаваясь на вызов начать обоюдную экономическую войну. Обе стороны просчитывают вероятные потери, обращаются к прогнозам негативного воздействия санкций на российскую экономику. Самым беспрецедентным примером экономического давления Запада до сих пор остается Иран, опыт сопротивления которого для нас приобретает сейчас ценнейшее практическое значение.

Санкции — инструмент ослабления «непослушных»

В отношении Тегерана санкции остаются основным враждебным аргументом Вашингтона. Спектр экономических санкций очень широк: от контроля над экспортом высокотехнологичных товаров до нефтяного эмбарго и блокирования международных расчетов. В настоящее время против Ирана действуют четыре санкционные резолюции Совета Безопасности ООН и многочисленные односторонние санкции США, по многим параметрам поддержанные Евросоюзом. Россия всегда считала, что все санкции, кроме принятых СБ ООН, являются незаконными, нелегитимными и наносящими прямой ущерб переговорам по ядерной программе ИРИ. Тем не менее, с точки зрения американской администрации иранское руководство настроено на заключение ядерной сделки исключительно благодаря беспрецедентному экономическому давлению на Иран. По этому поводу американский президент не без гордости отмечает: «Мы создали беспрецедентный режим экономических санкций, перекрыли Ирану возможности получать прибыль от продажи нефти. Иранская экономика за это время потеряла более 50% своего потенциала». В дальнейшем многое будет зависеть, как считает Барак Обама, от поведения Ирана, но «с точки зрения тактики очень важно проэкзаменовать иранцев». Несмотря на успешное продвижение переговоров по иранской ядерной программе искушение проверить новую дипломатию Ирана «на излом» у Белого Дома остается.

На фоне искреннего желания иранского руководства закрыть свое ядерное досье на переговорах с «шестеркой» Министерство финансов США ввело новые карательные меры против ряда компаний и физических лиц Ирана. Ранее президент Обама подписал в одностороннем порядке закон об ужесточении экономических санкций против Ирана, который не отменен. Основные параметры экономического давления на Тегеран остаются неприкасаемыми. США, как и прежде, будут бороться за обеспечение соблюдения эмбарго на импорт иранской нефти, введенного США и Евросоюзом. В США остается в силе запрет для американских предпринимателей на ведение бизнеса практически со всем нефтяным сектором Ирана, а также его судоходными и страховыми компаниями. Для всех союзников Вашингтона не снимается барьер на пути любых финансовых операций, включая торговлю ценными бумагами и золотом, с иранскими учреждениями, в том числе Центральным банком страны.

Как видно, практически все наиболее жесткие торговые и финансово-экономические санкции, наложенные на Иран без согласия Совета безопасности ООН странами ЕС и США, остаются в силе, а со стороны американцев еще и усиливаются. У президента Обамы есть свой план реагирования на иранские предложения в ходе переговоров по ядерной проблеме. Американские уступки, по его твердому убеждению, не должны нанести ущерб для санкций, без которых внешняя политика США просто немыслима. На примере Ирана можно смело делать вывод о том, что у американских санкций сложилась долгая история, и можно говорить, что они живут уже собственной жизнью, являясь неотъемлемой частью противостояния Ирана с Соединенными Штатами и их союзниками.

Можно без сомнений говорить о том, что, родившись в первые месяцы Исламской революции, лишившей Белый дом его влияния в Иране, санкции против Тегерана не прекращались ни на один день. То, что Иран во главе с исламским режимом выстоял под нажимом экономического давления и сумел, несмотря на запреты и ограничения, тормозящие его развитие, остаться в числе региональных лидеров, представляет собой главное свидетельство недостаточной эффективности американских санкций в целом и умения Ирана их обходить. Хотя, если бы санкций не было, то трудно предполагать, насколько мощнее была бы в экономическом и военном отношении ИРИ сейчас. У Москвы также не должно быть сомнений в том, что американская кампания по принуждению своих европейских союзников поддержать экономическую войну против России имеет стратегический замысел ослабления России.

Украина — лишь повод для введения санкций

Замалчивая свое поражение в Крыму, ставшего на пути американской стратегии сдерживания России на ее же ближних рубежах, американцы не отказываются от вариантов дальнейшей конфронтации, пытаясь изолировать Москву. Тот же самый прием Вашингтон всегда применял и против Ирана, объявив эту страну международным изгоем. Ядерная программа Тегерана для Америки была и остается поводом для перетягивания на свою сторону международного сообщества. В этих же целях американская дипломатия продолжает спекуляции на тему поддержки иранцами терроризма и нару-

шения прав человека. Ложь и истерия в оценках намерений Ирана стала нормой западных СМИ. Американцам хотелось бы разговаривать с иранским руководством не как с партнерами, а как с послушными марионетками.

На Украине сейчас это получается, там к власти Вашингтон привел хунту, способную даже на войну с собственным народом. На фоне кровавых преступлений Киева и сотен погибших, искалеченных и брошенных в тюрьмы несогласных с режимом украинцев о соблюдении прав человека речи нет. Все происходит по американским сценариям. В Иране у США ничего подобного не получилось. Сейчас по многим параметрам ИРИ с точки зрения политики, безопасности, обороны за послереволюционный период превратилась в мощнейшее государство Ближнего Востока со значительным международным влиянием, которое признается как друзьями, так и врагами Тегерана. Иран выстоял, сломить и изолировать страну не удалось. Его пример крайне поучителен тем, что Америка и ее главные союзники серьезно заблуждаются насчет своего всесилия.

После того, как «большая семерка» объявила о выходе из «восьмерки», был брошен лозунг о том, что Россия оказалась в международной изоляции. Американцы предприняли попытку закрепить это ложный тезис при голосовании на Генеральной Ассамблее ООН. Опять не получилось. Иран и десятки других стран осуждать Москву не стали. В этой связи министр иностранных дел России Сергей Лавров напомнил Вашингтону: «Изоляция — это термин, придуманный нашими западными партнерами, которые пытаются действовать, исходя из неоимперских ностальгических амбиций. Чуть что не так и не по их, они сразу хватаются за санкционную «дубинку». Время для этого уже прошло». Правда, Запад остается на своих гегемонистских позициях. Кроме санкций широко используются и другие методы диктата: «выкручивание руки», шантаж, угрозы и др. Поэтому число стран, поддерживающих американские односторонние санкции, не должно вводить в заблуждение. Стремление Белого дома представить Россию виновной за происходящее на Украине не находит поддержки у международного сообщества. На стороне Вашингтона лишь сателлиты США, даже у стран НАТО на национальном уровне нет единства.

Среди присоединившихся всегда много стран, вынужденных делать громкие заявления в поддержку США, но не имеющих реальных рычагов воздействия на экономику, будь то России или Ирана. К примеру, Республика Молдова присоединилась к санкциям ЕС против России. Так в этой стране даже в названии внешнеполитического ведомства указана политическая ориентация государства: «Министерство иностранных дел и европейской интеграции». Вся дипломатия официального Кишинева выстраивается на антироссийской платформе, включая и мечты о членстве в НАТО. Подобным же образом «санкционного угара» можно оценивать решение Латвии о приостановлении военного сотрудничества с Россией или прекращение Канадой военного сотрудничества с Москвой. То, что Канада в санкционном порыве всегда стремится быть впереди даже Америки, и Ирану хорошо известно. Правда, Тегеран всегда отвечает жестко всем, не оставляя без внимания враждебные выпады в свой адрес. Представляется, что Москве есть чем ответить и Кишиневу и Риге, выживающим во многом благодаря экономическим связям с Россией, а не с Америкой или Европой.

В ответ на санкции необходим союз с Ираном

Американская администрация на фоне украинского кризиса пытается представить Иран страной, якобы стремящейся использовать противоречия между Россией и Америкой в своих интересах. Распространяются вымыслы о готовности Тегерана обрушить в ущерб интересам России цены на нефть

Вашингтон реально напуган возможностью ответных мер Кремля на иранском направлении

и заменить российский газ в Европе. Вашингтон реально напуган возможностью ответных мер Кремля на иранском направлении и пытается не допустить решительного разворота Москвы в сторону Тегерана.

Россия в условиях обострения отношений с Западом должна находить новых партнеров в сфере мировой безопасности, и таким партнером может быть Иран. В Белом доме, имея в виду членство Украины в НАТО, считают, что президент Путин хочет создать «новый миропорядок», отрицаю-

щий принцип, согласно которому «страны обладают свободой выбирать альянсы». Американский сценарий уже написан: принять в члены НАТО Украину, Молдавию, Грузию и Азербайджан. Беря Россию в военную блокаду, создавая новые плацдармы у российских границ, Вашингтон отстаивает свою «свободу выбирать альянсы». Стратегический союз России и Ирана может заставить Вашингтон ощутить последствия своей украинской авантюры далеко за пределами Восточной Европы. Речь идет даже не о какой-то «геополитической мести» американцам, здесь уместно говорить о последовательной защите Россией своих национальных интересов совместно с государством, испытывающим потребность избавиться от диктата США.

У американцев нет никаких других сценариев, кроме злобного неприятия российско-иранского сотрудничества, обе наши страны не подвержены давлению США и не позволят разговаривать с собой с позиций силы. И, наверное, первое, что здесь могла бы сделать Москва, — это отобрать у Белого дома рычаги давления на Тегеран, разрушить американскую конструкцию антииранских санкций. Ведь Россия подписалась только под санкциями Совбеза ООН, а односторонние ограничения, принятые США, Евросоюзом и другими странами под давлением США, считает противозаконными. Уже по одной этой причине возвращение России к полномасштабному военно-техническому сотрудничеству с Ираном абсолютно правомерно. Эффектным, главное разумным шагом в этом плане может стать срочные поставки в Иран как минимум четырех дивизионов комплексов С-300, тем более данная оборонительная система под санкции ООН не подпадает. Пора наконец-то задаться вопросом: почему американцы вооружают десятки стран мира, в том числе и Саудовскую Аравию на десятки миллиардов в год, а Москва до сих пор опасается вернуться к выполнению своих обязательств перед Тегераном в сфере ВТС? Она все еще опасается чего-то и кого-то? Ведь более чем очевидно, что отказ от контракта с Ираном по С-300 не дал нам никаких выгод, но и Россия понесла огромные моральные и имиджевые издержки. Пример Украины более чем убедительно доказывает неизменность враждебной антироссийской политики Америки.

В расширенный санкционный список Запада чуть ли не ежедневно попадают новые российские банки и компании. В США на самом высоком уровне все громче раздаются голоса о том, что необходимо лишить российские финансовые институты доступа на западные финансовые рынки, ввести санкции против ключевых сегментов российской экономики и даже «запретить Аэрофлоту приземляться в американских аэропортах». Таково стратегическое мышление американских политиков. Речи о выстраивании равных партнерских отношений с Москвой не идет. Белый Дом свою экономическую войну против России начал. Новостная лента стала, по сути, сводкой враждебных действий Америки: США прекращают сотрудничество с Россией в космической сфере, США заморозили сотрудничество с РФ по мирному атому, российским физикам закрыли доступ в США, американцы приостановили сотрудничество с РФ в сфере борьбы с наркотиками и т.д. Одни за другими, чуть ли не ежедневно, раздаются призывы из Вашингтона ужесточить меры давления на Москву. Нет сомнений в том, что американцы преследует собственные экономические цели. Санкции сегодня используются США чаще, чем традиционное дипломатическое давление, операции спецслужб, военные действия или угроза применения оружия. И в этом плане у Ирана есть успешный опыт противостояния давлению Запада, который должен быть востребован Москвой.

Иран, Китай и оборонная специфика шелкового пути в третьем тысячелетии

Встреча министров обороны Ирана и Китая в Пекине в рамках расширения сотрудничества в сфере безопасности и военной защиты стала важным шагом в обеспечении стабильности обоих государств и устранения их совместных опасений, связанных с распространением экстремизма и терроризма. На протяжении последних десятилетий Пекин является одним из основных политических, экономических и стратегических партнеров Исламской республики Иран, поэтому развитие двустороннего сотрудничества всегда имело огромное значение для обеих стран.

Как сообщило 5 мая Генеральное управление информации Министерства обороны Ирана, министр обороны и поддержки вооруженных сил Хосейн Дехган провел встречу в Пекине со своим китайским коллегой Чаном Ваньцюанем, в ходе которой обе стороны обсудили вопросы расширения военного и оборонного партнерства обоих государств.

Министр обороны Ирана назвал шелковый путь историческим символом сотрудничества двух стран и заявил: «В третьем тысячелетии с учетом происходящих в мире процессов, связанных с обеспечением безопасности, нам нужен новый шелковый путь, специфика которого отвечала бы современным потребностям».

Хосейн Дехган добавил: «С развитием военного сотрудничества мы сможем устранить опасения двух стран, связанные с экстремизмом, терроризмом, наркотрафиком и морским пиратством в регионе совместного влияния».

Министр обороны Китая, выразив удовольствие по поводу визита в Пекин своего иранского коллеги, отметил следующее: «Приезд в китайскую столицу министра обороны Исламской республики Иран является прекрасной возможностью для укрепления оборонного сотрудничества. Я убежден, что после этой поездки мы будем свидетелями усиления китайско-иранского партнерства в этой области».

Чан Ваньцюань также заявил: «Принимая во внимание общность взглядов Ирана и Китая по многим важным вопросам политики и безопасности региона и мира в целом, Пекин считает Тегеран своим стратегическим партнером».

Сотрудничество между Ираном и Китаем

За прошедшие годы сотрудничество в сфере обороны между Исламской республикой Иран и Китаем осуществлялось при тесном политическом и экономическом взаимодействии двух стран.

Учитывая твердые намерения руководства Тегерана и Пекина, есть все основания полагать, что дружеские отношения, которыми были отмечены все последние годы, продолжатся и в будущем.

В связи с этим президент Ирана Хасан Рухани в своем телевизионном интервью вечером 29 апреля сообщил о стремлении развивать отношения с КНР, подчеркнув, что одной из внешнеполитических задач его правительства является улучшение отношений с дружественными Ирану государствами Россией и Китаем.

Стоит отметить, что одну из своих первых встреч с мировыми лидерами Рухани провел в сентябре 2013 года в рамках саммита глав стран-членов Шанхайской организации сотрудничества в Бишкеке. Тогда состоялись переговоры иранского президента с председателем КНР Си Цзиньпином, на которых лидеры обоих государств сделали особый акцент на своем намерении расширять двухстороннее сотрудничество.

Именно после этой встречи спикер иранского парламента Али Лариджани осенью прошлого года посетил с визитом Пекин, чтобы провести с китайским руководством ряд консультаций на тему межгосударственного партнерства и других общих вопросов.

На протяжении последних лет интенсивные экономические отношения стали основной сферой сотрудничества Тегерана и Пекина.

По сообщению иранского информационного агентства ISNA от 2 марта нынешнего года, руководитель Организации торгового развития Ирана Валиулла Афхами оценил объем торговли между двумя странами в 2013 году (с учетом нефтяного экспорта) в 40 миллиардов долларов. Чиновник также добавил, что, обе страны имеют обоюдное стремление увеличить этот показатель в течение 10 лет до 200 миллиардов.

Начало оборонному сотрудничеству между Ираном и Китаем было положено еще в годы навязанной войны с Ираком. Как отмечает специалист по проблемам Восточной Азии Бехзад Шаханде, в период ирано-иракской войны 1980–1988 годов китайцы добились укрепления за собой статуса одного из основных поставщиков вооружения Исламской республики.

В статье «Ближневосточная политика Китая и принцип открытых дверей», опубликованной журнале «Ближний Восток» в 2006 году, Шаханде пишет следующее: «Согласно имеющимся сообщениям, впервые появившимся в средствах массовой информации в 1984 году, с самого начала войны Китайская Народная Республики снабжала Иран и Ирак разными видами своей военной техники, начиная с простых видов вооружения и заканчивая самолетами».

Президент Ирана Хасан Рухани в своем телевизионном интервью вечером 29 апреля сообщил о стремлении развивать отношения с КНР

По мнению ряда экспертов по вопросам военной сферы и безопасности, после окончания войны Китай стал одним из самых надежных партнеров Ирана в плане оборонного сотрудничества.

Специалист по проблемам политики и безопасности Владимир Хрусталеv, анализируя военное сотрудничество между Ираном и Китаем в статье, размещенной в апреле прошлого года на одном из аналитических сайтов, заключает, что данное обстоятельство в значительной мере влияет на рост ракетного потенциала Исламской республики.

Другим примером оборонного сотрудничества двух стран стала встреча в конце 2013 года командующего военно-морскими силами Ирана с китайским коллегой, возглавляющим Южно-Китайский флот.

В ходе данного мероприятия иранский и китайский командующие подчеркнули необходимость взаимодействия вооруженных сил обоих государств в районе Индийского океана в целях укрепления там региональной безопасности, а также пришли к общему мнению относительно принятия совместных мер по борьбе с морским пиратством, обмену курсантами и демонстрации друг другу собственных военных судов.

В рамках оборонного сотрудничества летом прошлого года между Ираном и Китаем было подписано соглашение по безопасности, целью которого стала подготовка совместных мер противостояния экстремизму и терроризму.

Китай — растущая военная держава

Множество военных экспертов и аналитиков в стратегической сфере считают, что в будущем Китай станет военной сверхдержавой.

Если в прошлые десятилетия КНР опиралась лишь на многочисленные вооруженные силы и собственную ядерную мощь, то сейчас эта страна имеет крепкую экономическую базу и доступ к новейшим военным разработкам.

Авторы одной из статей, размещенной 14 апреля на сайте американского журнала *Foreign Policy*, анализируя военное противостояние государств Азиатско-Тихоокеанского региона, также подтверждают значительный рост военной силы Китая.

Так, в статье отмечается следующее: «Рост военной силы Китая настолько велик, что если он вступит в любую войну в регионе, то неизменно выйдет из нее победителем».

В ходе последних лет китайское командование, увеличивая собственный потенциал в сфере сухопутных войск, бронетехники и артиллерии, также уделяло особое внимание модернизации морского флота и авиации.

На эту тему 22 апреля на сайте британского Международного института стратегических исследований (IISS) был размещен доклад под заголовком «Воздушные силы Китая: постепенное развитие или революция», в котором отмечается стремительные успехи китайских ВВС в плане ведения воздушного боя.

В частности, в указанном докладе отмечается: «Военно-воздушные силы Китая уже не такие отсталые с ограниченным по возможностям и устаревшим вооружением, теперь они превратились в силу, способную и днем и ночью вести атаки и обороняться».

Авторы доклада также отмечают, что помимо достижений последних лет, воздушную мощь КНР укрепят современные истребители пятого поколения J-20 и J-31, которые пока еще находятся на стадии полетных испытаний.

В докладе, правда, делается оговорка, что успехи в этой области лишь отчасти оправданы национальным потенциалом Китая и ему еще многое предстоит сделать, устранив некоторые слабые места собственных военных технологий.

Параллельно с усилиями Поднебесной достичь положения военной сверхдержавы, американское руководство уже сейчас выражает свою озабоченность колоссальными успехами китайцев в оборонной сфере.

Об этом пишут авторы обзора, опубликованного 29 января нынешнего года на сайте гонконгской англоязычной газеты South China Morning Post.

Так, ими утверждается следующее: «Выступая перед американскими законодателями, заместитель министра обороны США по закупкам и технологиям Фрэнк Кендалл (Frank Kendall) заявил о своей сильной озабоченности в связи с военными достижениями Китая».

По словам Кендалла, в течение максимум 10 лет китайцы смогут бросить вызов американскому лидерству в сфере военных технологий.

Заместитель главы Пентагона также подчеркнул, что хотя на сегодняшний момент размеры военного бюджета КНР меньше, чем у Соединенных Штатов, расходы Китая в этой сфере ежегодно увеличиваются.

Кроме того, гонорары китайских военных специалистов гораздо меньше, чем у их американских коллег, что является еще одним стимулом для китайцев проводить модернизацию своей военной отрасли.

По мнению Кендалла, наиболее отчетливо вызов Китая военному могуществу США проявился в региональном соперничестве в Восточной Азии, поэтому рост военного могущества Поднебесной вызывает серьезные опасения у американского руководства уже сейчас.

Как сообщило 7 марта этого года информационное агентство IRNA, тот факт, что в 2014 году Пекин намерен увеличить свои расходы в военной сфере на более чем 12% и довести их до уровня 132 миллиардов долларов, вызывает сильную тревогу у Соединенных Штатов и их региональных союзников, таких как Япония.

Анализ военной отрасли Китая и оценка его тяжелого вооружения даются в ежегоднике Military Balance Международного института стратегических исследований за 2013 год. По сведениям авторов опубликованной статьи, из 2,28 млн человек личного состава вооруженных сил Китая 1,6 млн служат в сухопутных войсках, укомплектованных современной военной техникой.

Более того, на вооружении этого вида войск состоят мощнейшие противозушнные комплексы, способные обеспечить его защиту.

Military Balance оценивает численность личного состава военно-воздушных сил КНР в 330 тысяч человек. Важнейшей частью вооружения этого вида войск являются 1900 военных самолетов, среди которых имеются и современные истребители, невидимые для радаров.

Военно-морские силы Поднебесной насчитывают более 255 тысяч человек личного состава, в обязанности которых входит обеспечение массового присутствия китайских кораблей в прибрежных и международных водах.

По оценкам Military Balance, на вооружении ВМС Китая состоят 14 эсминцев, 62 торпедных катеров, 65 подводных лодок и десятки бронированных кораблей для патрулирования береговой линии.

Завершив в конце 2012 года ремонт купленного у России авианосца и дав ему название «Ляонин», китайцы вывели судно в международные воды.

Между тем некоторые источники сообщали о том, что Китай в последние месяцы готовится к строительству второго авианосца.

В одном из своих докладов, опубликованных в начале этого года Международным институтом стратегических исследований, отмечается, что Китай стремительно наращивает и модернизирует свои морские и авиационные силы, так что Запад и Россия лишись монополии на обладание военной техникой, оснащенной современнейшим оборудованием, такой как авианосцы, беспилотники и истребители последнего поколения.

Важным доказательством прогресса Китая в военной промышленности является то, что в последние годы эта страна стала одним из крупнейших в мире поставщиков вооружения.

В связи с этим персидская редакция медиакомпании Deutsche Welle 17 марта этого года со ссылкой на Стокгольмский институт исследования проблем мира и конфликтов (SIPRI) сообщила: «Китай в 2009–2013 годах, обойдя Францию, занял четвертое место в мире по количеству экспортируемого вооружения».

Согласно тому же источнику, после США, России и Германии, доля которых в экспорте вооружения в другие страны мира составляет соответственно 29, 27 и 7%, Китай находится на четвертой позиции и обеспечивает 6% от общего числа военных поставок.

Выводы

Будучи важными политическими и экономическими партнерами, Иран и Китай ставят своей целью развитие отношений и в других сферах.

Одной из них является оборона и безопасность, которая, учитывая прошлый опыт, представляет подходящие возможности для укрепления и развития сотрудничества между Тегераном и Пекином.

В нынешних условиях, сложившихся в регионе и в целом мире, Иран и Китай видят для себя общие угрозы, выражающиеся в военном вмешательстве Соединенных Штатов и попытках этой страны осуществлять свой диктат во всех частях света.

Кроме того, еще более четкое проявление таких вызовов, как экстремизм, терроризм, а также рост угроз торговому судоходству, создает все новые основания для укрепления сотрудничества двух стран.

Учитывая все перечисленное, стремление Ирана и Китая создать общие связи в сфере безопасности и расширить контакты в плане обороны может придать в третьем тысячелетии важную специфику шелковому пути.

Соглашение между Ираном и «шестеркой» может быть достигнуто в срок

Возможность достижения представителями «шестерки» (пять постоянных членов Совета безопасности ООН и Германия) и Ирана всеобъемлющего соглашения по урегулированию ситуации вокруг ядерной программы Тегерана к 20 июля есть. Об этом сообщил ИТАР-ТАСС информированный дипломатический источник перед началом очередного раунда переговоров в Вене.

По словам собеседника агентства, иранскую делегацию на переговорах с «шестеркой» сопровождают юристы-международники.

«Иранскую делегацию сопровождают юристы, — сказал он. — Сторонам предстоит непростая работа по выработке итогового соглашения по «ядерному досье» Тегерана. При понимании этого принято решение привлечь к процессу юристов, специализирующихся в области международного права».

«Решение призвано помочь сторонам на предстоящий период, — добавил источник. — На данный момент есть понимание, что уложиться в срок до 20 июля возможность есть».

С февраля «шестерка» и Иран провели в австрийской столице уже три раунда переговоров на уровне политдиректоров. Итогом этого трека должно стать всеобъемлющее соглашение, которое закроет иранское «ядерное досье» — позволит верифицировать мирный характер проводимых Тегераном ядерных исследований и снять режим санкций в отношении Ирана.

Как ранее информировали ИТАР-ТАСС высокопоставленные источники, Иран и «шестерка», приступив в феврале к работе над документом, определили девять смысловых блоков, которые должны лечь в основу всеобъемлющего соглашения. Это включает, в частности, параметры программы обогащения урана, работу исследовательского реактора в Араке, международное сотрудничество в ядерной сфере, верификацию ядерной программы со стороны Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), аспекты возможной военной составляющей проводимых исследований, односторонние санкции и санкции Совета Безопасности ООН.

Проект базируется на женевском соглашении, достигнутом в ноябре прошлого года, согласно которому Иран обязуется в том числе прекратить обогащение урана свыше 5% и избавиться от половины запасов высокообогащенного урана. Имплементация женевских договоренностей началась 20 января и рассчитана на полгода. Итоговый документ, как планируют все стороны, участвующие в переговорах, должен появиться до 20 июля и прийти на смену промежуточному.

По данным Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), Иран до сих пор выполняет взятые на себя в Женеве обязательства. Кроме того, МАГАТЭ и Тегеран проводят двусторонние консультации на экспертном уровне, чтобы снять все спорные вопросы относительно проводимых исследований в ядерной сфере.

Михаил Агаджанян

Военная демонстрация Саудовской Аравии: Иран не единственная цель

Военные маневры Саудовской Аравии в конце прошлого месяца были оценены большинством экспертов под призмой сдерживания аравийцами угрозы со стороны Ирана. На это косвенно указывали как заявления представителей генералитета крупнейшей монархии Персидского залива, так и демонстрация некоторых средств поражения из военного арсенала саудовцев. По словам начальника генштаба страны Хуссейна ибн Абдаллы аль-Габайела, целью учений было повышение уровня подготовки и проверка возможностей вооруженных сил в сдерживании нападения. Наиболее вероятным противником семья аль-Сауд продолжает рассматривать Иран. Поэтому любая ссылка на «сдерживание нападения» моментально настраивает на соответствующее направление исхождения данной угрозы. Особый колорит военным учениям и последовавшему за ним параду саудовских подразделений и техники придал факт демонстрации 29 апреля баллистических ракет средней дальности. Это оружие было закуплено у Китая еще в далеком 1987 году, но продемонстрировать его миру аравийцы решили только сейчас. Дальность поражения ракет (до 2500 км) и возможность начинки их боеголовок обычным или ядерным зарядом привели экспертов к мнению, что тем самым саудовцы показывают иранцам серьезность своих намерений в зоне Персидского залива и во всем ближневосточном регионе.

Ракетная программа Ирана за последние годы достигла значительных успехов. При этом, важно подчеркнуть, практически с исключительной опорой на местные технологии и производственные мощности. К нечто подобному саудовцы и близко не подошли. Но у них есть неограниченные финансовые ресурсы и тесные военно-политические связи, например, с пакистанцами, что позволяет поддерживать в регионе баланс ракетного сдерживания. Принятию китайских ракет DF-3s (в натовской классификации — CSS-2) на саудовское вооружение предшествовала своя предыстория. Американские эксперты подчеркивают факт предоставления Соединенными Штатами согласия на поставку ракет из Поднебесной в аравийское Королевство только при условии, что на них не будут устанавливаться ядерные боеголовки. Предположить в далеком 1987 году обладание саудовцами ядерными боезарядами было сложно. По прошествии четверти века такая перспектива уже не кажется нереальной. Но американцы продолжают настаивать на исключении саудовцами планов по ядерной начинке собственных ракет. Так, в прошлом году появились сообщения о приобретении Эр-Риядом у Пекина усовершенствованной версии ракет — DF-21s. И вновь Вашингтон «завизировал» сделку только после получения очередных гарантий со стороны саудовских партнеров. На апрельском параде новые ракеты показаны не были. Зато на нем присутствовали пакистанские генералы. Связка Китай — Пакистан — Саудовская Аравия представляется Соединенным Штатам весьма

неудобной. В ней заложен потенциал на самодостаточность всех «звеньев» (носитель — боезаряд — платежеспособный заказчик), при которой необходимость в услугах американцев может просто отпасть.

В отношениях с иранцами у саудовцев много противоречий и одновременно все предельно ясно. Чего нельзя сказать о других, волнующих их вопросах в регионе и за его пределами. Война с соседом не входит в планы ни Саудовской Аравии, ни Ирана. Для последнего военная эскалация с саудовцами означала бы возвращение к ситуации начала 1980-х годов, когда в ходе войны с саддамовским Ираком иранцы столкнулись с элементами арабской солидарности и взаимодействия. У Саудовской Аравии на руках система военных соглашений с США и Пакистаном о гарантиях безопасности и оказании взаимопомощи. Но и сами саудовцы не в меньшей мере заинтересованы в исключении военного столкновения с иранцами по целому ряду причин. Прежде всего, в виду сохраняющейся вероятности быстрого расшатывания внутренних устоев власти монаршей семьи. Особенно в восточных провинциях Королевства, населенных шиитами и вносящих основной вклад в нефтяное процветание страны.

Стало подзабываться, что между Ираном и Саудовской Аравией есть свой двусторонний пакт о безопасности, подписанный в 2001 году. Он, конечно, далек от межгосударственного документа, закрепляющего положение о ненападении сторон друг на друга. Но элементы взаимного сдерживания в нем все же прописаны. На это указывают предшествующие годы противостояния двух соседей, которые никогда не переходили за грань прямого военного конфликта между собой. Показательный пример — ввод в марте 2011 года подразделений саудовской армии в Бахрейн для подавления в зародыше местной шиитской фронды. На этот выпад аравийцев Иран отреагировал в жестко осудительном ключе, но исключительно на языке дипломатии. Как указывают посвященные источники, весной 2011 года Тегеран даже не пошел на предметное рассмотрение ответных мер военного характера. Воевать с Саудовской Аравией за Бахрейн иранское руководство посчитало крайне невыгодным для себя.

Ирано-саудовский пакт 2001 года — важный фактор в системе поддержания баланса сил на Ближнем Востоке. Все доверительные контакты сторон последних лет, а их, надо признать, было непозволительно мало, так или иначе, производны от действия этого двустороннего документа. Визит в Саудовскую Аравию в декабре 2011 года главы министерства информации Ирана (ведомство разведки страны) Хейдара Мослехи укладывается в русло взаимного стремления сторон исключить открытую конфронтацию в своих отношениях. Миссия Мослехи состоялась на пике осознания неизбежности гражданской войны в Сирии, через считанные месяцы после ввода саудовских войск в Бахрейн.

С отставкой Бандара Бен Султана с поста главы разведки Саудовской Аравии появились ожидания разрядки противоречий в ирано-саудовских отношениях, их перехода на менее акцентируемый уровень. Персона Бен Султана тесно ассоциировалась с враждебной Тегерану политикой Эр-Рияда в Сирии, Ливане, Ираке. Впрочем, известные знатоки Ближнего Востока не рекомендуют строить из этого кадрового решения саудовских властей далеко идущие выводы в пользу качественного улучшения отношений с иранцами.

Признавая в состоявшейся демонстрации саудовцами своих военных возможностей существенный сигнал в сторону иранцев, тем не менее, следует указать и на другие побудительные мотивы Эр-Рияда. Военные учения и парад прошли в канун парламентских выборов в Ираке, в непосредственной близости от иракско-саудовской границы (в зоне ответственности военной базы Хафр аль-Батин Саудовской Аравии). Аль-Сауды не желают вновь лицеизреть в Багдаде правительство Нури аль-Малики, с которым у них отношения явно не сложились. Действующий иракский премьер в разгар предвыборной кампании выступил с гневной тирадой, адресованной персонально семье саудитов. Аль-Малики обвинил хранителей двух исламских святынь в Мекке и Медине во вмешательстве во внутренние дела суверенного государства. Не лучшим образом обстоят дела у саудовцев с их бывшими тесными партнерами по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива. Прежде всего, с катарцами.

Амбиции Саудовской Аравии на лидерство в арабском мире все больше раздражают соседей. Пользуясь нестабильностью региона сразу с нескольких его ключевых точек (Сирия, Ливан, Ирак, Йемен), саудовцы решили монополизировать свои права на определение общеарабской повестки, продиктовать всем суннитам и арабам Ближнего Востока свои условия доминирования. Именно в это русло укладываются последние принципиальные решения Эр-Рияда, принятые против радикальных исламских объединений. Даже сравнительно умеренные (на фоне группировок «Исламское государство Ирака и Леванта», «Джебхат ан-Нусра», «Аль-Каиды») и получившие политическое признание со стороны отдельных государств «Братья — мусульмане» были поставлены саудовцами вне закона. В условиях борьбы с разбродом мнений в арабском мире военные учения и парады дают аравийской монархии важные элементы для самоутверждения в роли регионального лидера.

Не стоит также упускать из виду и нефтяную подоплеку военной демонстрации семьи аль-Сауд. Ее благосостояние и само существование в качестве правящего клана поставлено в тесную зависимость от поставок на мировой рынок крупных объемов «черного золота». Аналитики мирового рынка нефти предрекают лидеру ОПЕК тяжелый период в добыче углеводорода летом текущего года. Сезонное увеличение внутреннего спроса, а также сохраняющиеся проблемы в Ливии заставят саудовцев поднять добычу выше 10 млн баррелей в сутки и удерживать ее на этом уровне в течение летних месяцев. А для защиты наиболее вместительной нефтяной «бочки» региона необходимы соответствующий уровень обладания современными вооружениями и военной техникой, боевой выучки саудовской армии. В плане боеспособности, наличия опыта участия в локальных и масштабных военных кампаниях — у вооруженных сил Королевства заметный дефицит. Между тем, количество накопленных оружейных арсеналов, их качественный состав, наличие гарантий безопасности со стороны основных внешних партнеров вселяют семье аль-Сауд уверенность в завтрашнем дне.

Таким образом, набирающая обороты политика саудовцев по демонстрации собственной силы не обусловлена лишь целями на иранском направлении. Перед Саудовской Аравией стоят более актуальные вопросы внешнего и внутреннего, политического и экономического свойства, чем абсолютно бесперспективное втягивание в конфронтационные отношения с Ираном.

Jamejam online

Президент Ирана Хасан Рухани: Мы не желаем мириться с ядерным апартеидом

Заявив о решимости придерживаться курса на развитие ядерных технологий и нежелании его страны мириться с «ядерным апартеидом», президент Ирана Хасан Рухани отметил: «Мы намереемся предпринять новые передовые шаги в политической и правовой сферах». По сообщению иранского информационного агентства IRNA, на церемонии презентации трех новых ядерных разработок в области здравоохранения глава иранского правительства отметил: «Мы добиваемся и будем добиваться развития мирных ядерных технологий и всего того, на что имеет право наша великая нация».

Рухани также добавил: «Мы считаем, что все народы равны перед международным правом. Ни у одного из них нет преимущества перед другим. Иранский народ никогда прежде не мирился с дискриминацией и не будет делать этого и впредь. Между тем мы никогда не хотели совершать каких-либо противоправных действий».

«По многим направлениям, — продолжил президент, — нам необходимо не только проводить научные и технологические исследования, но и осуществлять собственную правовую, политическую и информационную деятельность. После победы в Иране Исламской революции в 1979 году Организация по атомной энергии нашей страны, заботясь о развитии науки и прогрессе общества, была вынуждена устоять, чтобы заняться реализацией научных целей и технологических разработок».

Рухани также отметил: «Запад, включая Соединенные Штаты, Германию, Францию и другие страны, никогда не сдерживал данных нам обещаний. США, нарушив свое обещание, отказались поставлять топливо для реактора в Тегеране. Германия после революции прекратила строительство ядерной электростанции в Бушере. Франция тоже уклонилась от своих обязательств по совместному сотрудничеству и даже не поставила полагавшийся нам фторид урана VI (промежуточный продукт при получении чистого урана)».

Напомнив о том, что когда Иран только рассматривал вопрос об обогащении урана для его использования в качестве реакторного топлива, он обращался за помощью почти ко всем странам Востока и Запада, Рухани заявил: «Утверждения о том, что Исламская республика занималась секретными разработками, являются чистым вымыслом».

«Если бы мы хотели заниматься этим тайно, то не обращались бы официально к другим странам с просьбой о поставках центрифуг и прочего оборудования», — пояснил он.

Президент отметил, что во всем мире было принято считать Иран неспособным разработать собственные технологии по обогащению урана, и добавил: «Мировая пропаганда добивалась цели унижить нашу нацию и утверждала, что иранцы блефуют дважды. Во-первых, мы якобы говорим о получении собственного урана, но на самом деле не умеем этого делать, а во-вторых, втайне ведем незаконные разработки».

Президент Ирана и глава Высшего совета по национальной безопасности также заявил: «Мы хотели доказать миру, что наши технологии настоящие и не преследуют военных целей. Если речь идет об обогащении урана на 3,5%, то мы в состоянии это сделать. Мы можем произвести даже двадцатипроцентный уран».

Мы продолжим научную деятельность в рамках закона

На церемонии презентации трех новых ядерных разработок в области здравоохранения Рухани отметил следующее: «Правительство „благоразумия и надежды“ (именно так принято называть в Иране нынешний кабинет министров) продолжало и намерено и в будущем продолжать всю научную деятельность в рамках закона. Об этом должны знать западные и восточные страны, „шестерка“ международных посредников и все остальные».

Глава исполнительной власти Исламской республики также счел нужным подчеркнуть: «Мы можем предложить мировому сообществу лишь большую прозрачность нашей деятельности. Конкретные действия юридического, политического и информационного характера с нашей стороны будут осуществляться параллельно с научной деятельностью. Мы хотим сказать миру, что наши враги лгут. Мы хотим сказать миру, что наша нация идет по пути к своему величию. Враги не могут унижить иранский народ, напротив, они вынуждены признать выдающиеся способности наших граждан и, в частности, иранских ученых».

«Мы докажем миру, — продолжил Рухани, — что наши действия вполне законны и не выходят за рамки требований Договора о нераспространении ядерного оружия и прочих международных документов. Мы уже много раз говорили, говорим и будем говорить о том, что никогда не стремились к противозаконным действиям и разработке ядерного оружия».

Президент Ирана сделал особый акцент на том, что его страна не имеет планов по созданию ОМП, и пояснил: «Иранский народ никогда не хотел получить собственное оружие массового поражения и вообще считает его незаконным. Духовный лидер Исламской республики аятолла Али Хаменеи совершенно ясно образом еще много лет назад объявлял об этом в качестве распоряжения в своих пятничных проповедях. Если мир хочет поддерживать хорошие отношения и иметь общие интересы с иранским народом и правительством, он должен признать законные права нашей страны. Стремление ослабить нашу нацию или унижить ее, введение санкций и угрозы — все это не имеет и не будет иметь никакого эффекта».

Михаил Агаджанян

Треугольник Иран — Пакистан — Саудовская Аравия: острые углы сглаживаются

Визит премьер-министра Пакистана Наваза Шарифа в Иран пришелся на период интенсивного поиска всеми ключевыми игроками Ближнего Востока новых возможностей продвинуть свои позиции в регионе. Предыдущие барьеры для налаживания межгосударственных связей постепенно теряют свою актуальность. Режим санкций против Ирана уже ослаблен и можно ожидать его дальнейшего смягчения. Ни один из крупных соседей Ирана, включая его традиционных оппонентов в лице Саудовской Аравии и ее ближайших партнеров в регионе, не намерен пренебречь удобным моментом улучшить свои отношения с Тегераном.

Пакистанское руководство в последние годы сторонилось проведению самостоятельной игры на иранском направлении. У Исламабада на этот счет есть обязательства перед Вашингтоном и Эр-Риядом. С выдвижением на первые роли во властной иерархии Пакистана премьер-министра Наваза Шарифа (его партия Пакистанская мусульманская лига выиграла выборы 2013 года) пакистано-саудовское взаимодействие укрепилось. Отношения саудовцев с предыдущим руководством Пакистана во главе с президентом Асифом Али Зардари, сопредседателем бывшей правящей Пакистанской народной партии, были далеки от идеальных. На отрезке 2008–2013 годов, когда бразды правления в Пакистане были в руках Зардари, отношения Исламабада и Тегерана стремились к выходу из-под контроля семьи аль-Сауд. В марте 2010 года был подписан контракт по строительству газопровода Иран — Пакистан. Тегеран обязался поставлять соседу 21,5 млн куб. м природного газа в сутки. Для пребывавшего под грузом санкций Ирана это стало настоящим прорывом из региональной изоляции. Зардари также оказал иранцам поддержку на международных площадках, хотя следует признать, что позиция пакистанских властей не всегда была последовательной. Так, в июне 2010 года, когда в Совете Безопасности ООН принималась резолюция — 1929, Пакистан присоединился к новым санкциям в отношении Ирана. И это несмотря на прозвучавшие ранее из Исламабада заявления о том, что он выступает против любых санкций в отношении ядерной программы Тегерана. В феврале 2012 года Зардари высказался в поддержку Ирана в случае агрессии со стороны других государств. Свои заявления пакистанский президент сделал в ходе совместной пресс-конференции с президентами Ирана и Афганистана. После таких реляций пакистанского лидера саудовцы окончательно отказали ему в своей благосклонности.

С выдвижением Наваза Шарифа ирано-пакистанские связи были поставлены на режим межгосударственной паузы. В представляющем для Тегерана ключевой интерес вопросе прокладки газопровода Иран — Пакистан Исламабад занял выжидательную позицию. При этом, ссылаясь на действие режима санкций против Ирана, который якобы не позволяет реализовать проект. По соглашению 2010 года, первые объемы иранского газа должны были поступить

в Пакистан не позднее конца 2014 года. Иран проложил 900-километровый участок трубопровода на своей территории, и все последние месяцы призывает пакистанских партнеров завершить работы по ту сторону границы. В дополнение к двусторонним экономическим неурядицам, в отношениях Тегерана и Исламабада возник новый раздражитель. Им стала активность экстремистских группировок в ирано-пакистанском приграничье. С пакистанской стороны в иранскую юго-восточную провинцию Систан и Белуджистан стали просачиваться суннитские радикалы. Осенью 2013 года вылазка боевиков привела к гибели 14 военнослужащих Ирана. Ответственность на себя взяла группировка «Джейш аль-Адль». В феврале 2014 года были похищены и предположительно перемещены на пакистанскую территорию 5 иранских пограничников. Из Ирана прозвучали призывы к проведению на территории соседнего государства операции по освобождению военнослужащих силами своих войск специального назначения. В апреле этого года Исламабаду и Тегерану удалось нейтрализовать назревающий конфликт. Парламент Ирана ратифицировал подписанное в феврале 2013 года соглашение в сфере безопасности. Стороны тогда договорились создать совместный комитет по пограничным вопросам, а также активизировать сотрудничество в борьбе с терроризмом и наркотрафиком. С вступлением этого двустороннего документа в силу можно вести условный отсчет нового подъема в ирано-пакистанских отношениях.

Перед правительством Шарифа саудовцы решили снять не все, а только часть ограничений в установлении конструктивных отношений с Тегераном. Вопрос завершения строительных работ на пакистанском участке маршрута газопровода не решен окончательно, но определенные подвижки здесь есть. В ходе встречи 12 мая с духовным лидером Ирана аятоллой Али Хаменеи премьер Шариф заявил о готовности приложить все усилия, дабы «возродить проект газопровода». Иранские СМИ также передали слова аятоллы Хаменеи о ненуждаемости Тегерана и Исламабада в чем-либо разрешении для укрепления отношений между двумя странами. Это значительно подняло планку обязательств пакистанской стороны. Но ей еще предстоит объяснения с американской администрацией, мнение которой Исламабад пока не может полностью игнорировать, а также дополнительные консультации с саудовскими партнерами.

По итогам ирано-пакистанских переговоров был зафиксирован приоритет поднятия двустороннего товарооборота на качественно иной уровень. Нынешний объем взаимной торговли (около \$1 млрд) не соответствует потенциалу двух стран. На ближайшие годы ставится задача выйти на отметку в \$3 млрд, а затем, в более отдаленной перспективе, довести торгово-экономический оборот до внушительных \$5 млрд.

В складывающейся конфигурации межгосударственных интересов значительным выгодополучателем от сближения Ирана и Пакистана выступает Саудовская Аравия. Тем самым она демонстрирует свои возможности влияния на ближайших партнеров, позволяя им или, напротив, сдерживая их от некоторых шагов в регионе. Пакистан может стать удобным каналом намечающегося «ренессанса» в ирано-саудовских отношениях. Есть вопросы, в которых услуги пакистанской стороны могли бы представить взаимный интерес для Эр-Рияда и Тегерана. Например, в деле достижения обязательств сторон воздержаться от военных действий в отношении друг друга. Архитектором и, возможно, гарантом этих ирано-саудовских соглашений, напоминающих пакт о ненападении, мог бы стать именно Пакистан. Ибо на Ближнем Востоке нет других сопоставимых с ним по своему дипломатическому и военно-политическому весу дер-

жав исламского мира. Услуг Турции в этом вопросе, как можно с уверенностью заключить, Иран и Саудовская Аравия обоюдно сторонятся. Прямой контакт с иранцами для улаживания имеющихся противоречий в нынешних условиях саудовцам представляется нецелесообразным. Слишком велик риск придания данным контактам преждевременной огласки. Действовать в опосредованном режиме через пакистанское руководство, с которым у саудовцев полное доверие, явно предпочтительнее. Интересным индикатором привлечения саудовцами своих пакистанских партнеров к миссии медиатора стали заявления о приглашении иранского внешнеполитического руководства в Эр-Рияд для переговоров. Важно отметить, что данные сигналы последовали незамедлительно по окончании визита Наваза Шарифа в Тегеран.

Не преуменьшая роль саудовского фактора в текущих процессах внутри треугольника Иран — Пакистан — Саудовская Аравия, все же не следует считать его доминирующим. У Исламабада имеется ряд собственных причин подойти к вопросу улучшения отношений с Тегераном с удвоенной энергией. Надвигающийся вывод войск НАТО из Афганистана, неопределенная поствыборная ситуация в этой стране (для избрания афганского президента потребуется второй тур голосования) диктуют пакистанцам активный стиль дипломатии в регионе. Иран, Саудовская Аравия, Китай — составляют тот круг примыкающих к региону АфПак (Афганистан — Пакистан) сил, построение продвинутых отношений с которыми фактически безальтернативно для Исламабада. Не стоит упускать из поля зрения и такие тревожные для Пакистана факторы, как убедительная победа на парламентских выборах в Индии Национального демократического альянса во главе с националистической «Бхаратия джаната парти». Индийские националисты у власти с популистскими внутренними лозунгами и агрессивными внешнеполитическими установками — не лучший для пакистанцев сценарий сохранения их тяжелейших отношений с ядерным соседом в стратегическом балансе.

Имеется также значительный пласт экономической мотивации Пакистана к углублению связей с Ираном. Зависимость Исламабада от импорта энергоносителей определяет соответствующий тренд в его отношениях с нефтеносными Тегераном и Эр-Риядом. Основные поставки «черного золота» в Пакистан осуществляют саудовские компании (около 70% всей потребляемой пакистанцами нефти). Но растущие нужды пакистанской экономики требуют новых объемов углеводородного сырья. По мнению аналитиков, саудовцы добывают нефть на пределе своих возможностей — до 10 млн баррелей в сутки. Иран же поставил себе задачей выйти на досанкционный уровень суточной добычи и экспорта нефти — соответственно 4,2 млн и 2,5 млн баррелей. Ныне Ирану дозволено выставлять на внешние рынки лишь 1 млн баррелей. В дни визита Наваза Шарифа в Тегеран появились сообщения, что иранские нефтяники превысили обозначенную соглашением со странами «шестерки» квоту и вышли на уровень в 1,2 млн баррелей. Не исключено, что этот «излишек» в ежедневные 200 тыс. баррелей предназначен для пакистанских потребителей, и саудовская сторона отнеслась с пониманием к превышению иранцами «квоты» для целей поставок в Пакистан.

Перераспределение нефтяных потоков, стремление найти внутренние ресурсы для поддержания баланса сил на Ближнем Востоке, растущее ощущение свертывания американцами своих доминирующих позиций в зоне Персидского залива и на сопредельных территориях на нынешнем этапе задают темп и содержательность действиям Ирана, Пакистана и Саудовской Аравии.

Россия-Иран: Реанимация военно-технического сотрудничества

Как часто бывает, важнейшие заявления, меняющие картину сложившегося миропорядка, выглядят коротко и буднично. Заявление российского и иранского министров обороны, Сергея Шойгу и Хосейна Дехгана о том, что «Россия и Иран будут развивать военное и военно-техническое сотрудничество, учитывая сложившуюся в мире политическую обстановку», сделанное в ходе двусторонней встречи в рамках международной конференции по безопасности в Москве на прошлой неделе, стало настоящей сенсацией.

Вполне можно согласиться со словами Хосейна Дегхана, который оценил это событие как переход российско-иранского сотрудничества в сфере безопасности «на принципиально новый уровень». От себя добавим, что этот переход был, во-первых, более чем долгожданным для патриотических кругов в России и Иране, которые считают стратегическое партнерство между нашими странами залогом региональной и международной безопасности. А во-вторых, достигнутый прорыв, о котором заявили министры обороны, является как нельзя более актуальным на фоне тех угроз и вызовов, которые создаются сегодня Западом и для Москвы, и для Тегерана.

Ставка на то, что можно достичь каких-то принципиальных договоренностей с США и его союзниками по НАТО, которую делали во внешней политике определенные политические круги и в России, и в Иране, оказалась несостоятельной. Более того, страны, которые делали и делают свой выбор в пользу Запада, платят за этот выбор кровью и нестабильностью. Посмотрим на карты Ближнего Востока, Центральной Азии, Африки — от Ливии до Нигерии: ни одно государство, добровольно или насильственно «включенное» в сферу жизненных интересов США и НАТО, не имеет гарантий стабильности и безопасности. Вывод, казалось бы, очевиден. «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Хотим мы обеспечить безопасность и стабильность, нужно решать эти вопросы самостоятельно, создавать региональные блоки, создавать их структуры и на уровне регионального же диалога «гасить» конфликтные ситуации, а не привлекать к излечению «болевых точек» заморских и европейских «докторов от геополитики». В противном случае — «управляемый хаос», растущие подобно грибам после дождя террористические и сепаратистские организации. А в итоге — «калечащие санкции» или же постоянный шантаж их введения, цветные революции и «гуманитарные» бомбардировки.

Политическая партия российского «силового блока» при Президенте

По итогам прошедшей в Москве встречи министров обороны не сообщалось о каких-то конкретных договоренностях. В этом не было особой необходимости, поскольку российские «силовики», министерство обороны и министерство внутренних дел начали реализацию партнерских программ с Ираном гораздо раньше, чем «раскачалось» само российское правительство.

Во время прошлогоднего визита в Тегеран министр внутренних дел Владимир Колокольцев и его иранский коллега Мостафа Мохаммад Наджар официально заявили, что проблемы безопасности, стоящие перед Ираном и Россией, имеют не только общий характер, но и общий источник, точнее — источники. Наркотранзит из Афганистана, поток контрабанды, вокруг которого сформировались устойчивые преступные сообщества, волна экстремизма и терроризма, накатывающаяся на Центральную Азию — лишь краткий перечень угроз и вызовов, объединяющий наши страны.

Общность этих угроз признавалась и ранее. Но вот то, что именно Россия и Иран являются основными мишенями, на которые нацелены эти угрозы, конечными целями создаваемой извне региональной нестабильности, на таком уровне было сказано впервые. И если раньше российские политики предпочитали, признавая наличие этих угроз, утверждать, что решить их можно самостоятельно или же при содействии некоего абстрактного «международного сообщества», то год назад впервые было заявлено, что обеспечение Россией безопасности «на южном направлении» без тесного сотрудничества с Ираном — невозможно.

Итогом прошлогоднего визита стало подписанное между министерствами внутренних дел двух стран соглашение, которое пресс-центр российского МВД тогда охарактеризовал как «правовой союз» между МВД России и Исламской Республики Иран. А уже в рамках этого соглашения стороны поставили вопрос о выработке конкретных мер сотрудничества в области охраны границ, создании единой информационной базы данных по ряду проблем, выработке механизма повседневного сотрудничества и обмена практическим опытом между полицейскими наших стран, вплоть до организации и проведения выставок технических средств и стажировки сотрудников.

Не менее значимым стал и визит в Иран главкома российских ВВС генерал-лейтенанта Виктора Бондарева в том же, 2013 году. Именно тогда, передавая запущенную в производство и принятую на вооружение иранской армией копию американского беспилотника ScanEagle командующему российскими ВВС генерал-лейтенанту Бондареву, командующий базой Корпуса стражей исламской революции Хатам аль-Анбия бригадный генерал Фарзад Эсмаили сказал: «Этот запущенный в производство беспилотник является символом технических возможностей исламского Ирана и передаваемый сегодня нашему гостю образец — дружеский подарок российским ВВС и русскому народу». Собственно, в переданном российской стороне «дроне» был скрыт намек на то, каким Иран видит дальнейшее развитие военно-технического сотрудничества с Россией.

Главкому ВВС были сделано несколько вполне конкретных предложений. Прежде всего, иранская сторона выразила готовность организовать прове-

дение стажировок российских военных летчиков в Иране, что, по мнению сторон, позволит отработать пилотам российских ВВС навыки действий в условиях Ближнего Востока, насыщенного техническими системами ПВО американского и израильского производства.

Кроме того, иранские военные продемонстрировали главному российским ВВС и действующую систему мониторинга оперативной обстановки в Персидском Заливе, которая представляет собою сложный комплекс из средств технической разведки и тех самых иранских копий американского ScanEagle, одна из которых была передана России. Продемонстрировали не просто так, разумеется, а с вполне конкретной целью — во-первых, принять участие в усовершенствовании этой системы, а, во-вторых, приступить к совместной модернизации и производству иранского варианта ScanEagle, что более чем актуально в условиях, когда азербайджанские беспилотники, созданные по израильской технологии, уже начинают облет Каспия, а в перспективе — готовятся к «обеспечению безопасности каспийских нефтепроводов».

К вопросу об актуальности

Собственно, обсуждение вопроса об участии России в модернизации целого ряда иранских видов авиационной и ракетной техники было, пожалуй, ключевым событием тогдашнего визита российского главкома. Помимо необходимости переоснащения состоящих на вооружении ВВС Ирана «МИ-Гов», Россия получила предложения о совместных проектах в вертолетостроении, ракетостроении и разработке систем технической разведки. Иран

достаточно недвусмысленно дал понять, что предлагает России новый уровень военно-технического сотрудничества — совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, которые до этого Россия вела только с Китаем.

Ряд экспертов склонны полагать, что намечающееся военно-техническое сотрудничество с Тегераном будет во многом носить пусть и выгодный, но односторонний характер — только и исключительно продажи средств и вооружений. Но такой подход мало того, что не совсем устраивает иранскую сторону, но еще и ошибочен в стратегическом отношении.

Существует также мнение и о том, что договоренности Шойгу и Дегхана «привязаны» исключительно к ухудшению российско-американских отношений в связи с «украинским кризисом». Но эта точка зрения достаточно поверхностна, поскольку выше уже сказано, что серьезные договоренности на уровне российских и иранских силовиков начали оформляться еще тогда, когда о евромайдане и слышно не было.

Вопрос российско-иранского сотрудничества в военной сфере следует рассматривать в первую очередь в рамках той политики безопасности, которую Москва методично и без особого пропагандистского шума проводит на Востоке, в первую очередь в рамках Таможенного Союза и ОДКБ. Серьезные

Россия получила предложения о совместных проектах в вертолетостроении, ракетостроении и разработке систем технической разведки

поставки вооружений в Киргизию и Таджикистан, восстановление единой системы ПВО на южных границах, начинающаяся «вторая жизнь» объектов российских Войск воздушно-космической обороны, расположенных на территории союзных республик, таких как «Окно» в Таджикистане (оптико-электронный комплекс контроля космического пространства в Нуреке) и полигон «Сары-Шаган» в Казахстане (единственный в Евразии полигон для разработки и испытаний противоракетного оружия, расположенный на территориях Карагандинской и Жамбылской областей) — все это складывается в комплексную программу. Россия, де-факто, берет на себя ответственность за военную безопасность центральноазиатского региона. Одновременно с этим наполняет реальным содержанием военную интеграцию с членами Таможенного Союза. Как уже вступившими (Казахстан), так и готовящимися к этому шагу (Киргизия). И в реализации этой программы намерена все активнее работать с Ираном, без которого решить вопросы безопасности попросту невозможно.

С другой стороны, Иран давно уже перерос уровень простого «закупщика» вооружений, свидетельство чему — успехи страны в области ракетных и иных технологий, в том числе технологий двойного назначения. Тегеран стремится не просто к роли покупателя российского оружия, как бы политически не был бы значим этот шаг, а к равноправному партнерству в НИОКР и модернизации вооружений. Пресловутый «контракт по С-300», тень неисполнения которого омрачает наше партнерство, может принять по предложению иранских военных новый поворот: иранская сторона дала понять, что, конечно, не откажется от приобретения ЗРС «Антей-2500», которые были предложены ей вместо С-300, но одновременно с этим предложила России поучаствовать в модернизации уже существующих иранских S-200, которые, по сути, являются копией С-300ПС, приобретенных Ираном у России в 1993 году.

Военно-техническое сотрудничество, провозглашенное российским и иранским министрами обороны, является насущной потребностью и для Москвы, и для Тегерана, поскольку даже до самого неискушенного в политике обывателя «достучалась» простая мысль: без тесного партнерства и взаимодействия в самых различных отраслях, от экономики до обороны и борьбы с международной преступностью, Россия и Иран будут нести серьезные потери. Совместными усилиями нашим странам удалось совершить практически невозможное — остановить западную агрессию в Сирии и добиться решительного перелома в борьбе Дамаска против иностранной интервенции. Но, новые вызовы и угрозы Запада нашим странам растут с каждым днем, а потому российско-иранское оборонное сотрудничество, включающее в себя и чисто «технические» вопросы ВВС и ПВО и более широкий аспект формирования системы региональной безопасности с активным участием Тегерана в программах ОДКБ, является сегодня актуальнейшим вопросом двусторонних отношений и адекватным ответом на общие внешние угрозы.

Игорь Субботин

Путин встретился с Роухани: Россия продолжит сотрудничество с Ираном «вопреки турбулентностям»

Президент России Владимир Путин заявил, что Москва намерена продолжить сотрудничество с Тегераном вопреки «турбулентностям в международных отношениях». Об этом глава государства высказался на встрече с лидером Исламской республики Хасаном Роухани, которая прошла на полях саммита Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

Сам президент Ирана считает, что российско-иранское сотрудничество помогает снизить риск вооруженных конфликтов в Каспийском регионе.

Российский лидер Владимир Путин заявил, что взаимодействие России и Ирана должно быть продолжено, несмотря на события вокруг Исламской республики. «Исхожу из того, что мы сможем продолжить эту работу, несмотря ни на какие турбулентности в международных отношениях и вокруг Ирана», — цитирует слова Путина российская пресса. Президент РФ также отметил, что Тегеран и Москва являются давними партнерами. «Мы уже осуществили ряд крупных проектов, у нас есть и другие возможности», — в частности, сказал российский лидер.

Хасан Роухани, в свою очередь, выразил мысль, что взаимодействие России и Ирана позволило в последнее время снизить угрозу вооруженных конфликтов в Каспийском регионе. Также лидер Исламской республики считает, что российско-иранские отношения стали еще более теплыми и доверительными за последний год. Роухани отметил, что он видит в России не только соседа, но и партнера, вместе с которым Исламская республика надеется сохранить стабильность и безопасность в Каспийском регионе. «Мы настроены на продолжение сотрудничества по всем направлениям», — заявил лидер Ирана.

Иран продолжает оставаться предметом критики со стороны Соединенных Штатов и других стран Запада. Вопросы преимущественно вызывает ядерная программа Тегерана, которая ранее спровоцировала ряд санкций в отношении Исламской республики.

Напомним, что последний раз Владимир Путин и Хасан Роухани встречались в Бишкеке в сентябре 2013 года. После этого должен был состояться визит российского президента в Иран, однако по неким причинам эта поездка была отменена.

Мохаммад Нури

Политика Рухани — движение к Востоку без вражды к Западу

Визит в Китай иранского президента Хасана Рухани стал основой расширения дипломатического спектра работы нынешнего правительства Исламской республики. Незадолго до этого президент сообщил о новой тенденции во внешней политике государства. Так, в одной из своих последних телевизионных бесед, касаясь дипломатической сферы, он неожиданно заявил, что Иран собирается начать новое сотрудничество с двумя восточными державами — Россией и Китаем.

Подобное заявление Рухани стало неожиданностью для Запада, который предполагал, что в лице президента Ирана он имеет умеренного и чуть ли не прозападного политика.

Однако в самом Иране высказанная президентом точка зрения вызвала ликование даже в среде его политических оппонентов. Дело в том, что после выборов в июне 2013 года, когда победу одержал Рухани, эта часть иранских политиков уже начала смиряться с мыслью о том, что ей придется проститься со своими провосточными иллюзиями, однако последнее заявление президента о характере развития национальной дипломатии заставило их облегченно вздохнуть.

Как бы то ни было, поездка Рухани в тихоокеанский регион означает начало расширения отношений с Востоком, даже несмотря на то, что дипломаты его правительства большую часть своего времени проводят все-таки в европейских столицах Вене и Женеве. И действительно, переговоры по ядерной проблеме сейчас стали основным направлением деятельности дипломатического фронта Рухани, символизирующим начало новой дружбы между Ираном и Западом.

Конечно, в ходе переговоров Ирану приходится иметь дело со всеми пятью ядерными державами, входящими в состав Совета Безопасности ООН (США, Великобритания, Франция, Россия и Китай), однако на практике иранское ядерное досье представляет собой предмет серьезного конфликта именно с западным блоком, во главе которого стоят Соединенные Штаты.

Неслучайно последняя поездка Рухани в Китай была скептически оценена западной прессой. В странах Запада и отчасти в самом Иране общественность задалась рядом вопросов. Например, действительно ли глава умеренного иранского правительства на девятом месяце своего президентского срока решил пересмотреть собственную политику «благоразумия»? Что означает подобное движение иранского президента в сторону восточных держав и какова его цель? Наконец, самый важный вопрос касается следующего: чем принципиально отличается позиция Рухани по сближению с Востоком от провосточной политики его предшественника?

Если целью внешнеполитической команды Рухани, хотя бы в среднесрочной перспективе, является отмена санкций западного блока, осуществится ли эта

мечта сторонников иранского президента на фоне его действий, намеченных параллельно с поездкой в Китай?

Разобраться в этих вопросах поможет анализ внешнеполитической концепции нынешнего иранского правительства, основы которой Рухани и его сторонники изложили еще в разгар предвыборной кампании в прошлом году.

Команда дипломатов Рухани, состоящая по большей части из бывших руководящих чиновников внешнеполитического ведомства страны, сейчас управляет внешней политикой своего государства с практической позиции реализма, пусть свои дипломатические миссии этим дипломатам приходилось выполнять в жесткой идеологической обстановке и условиях политической поляризации.

Нынешняя дипломатия Рухани следует простому правилу: внешняя политика развивается в том направлении, которое обеспечивает политические и экономические интересы государства и народа.

Согласно данной точке зрения, иранские дипломаты принимают решение и начинают переговоры только из расчета своих возможных прибылей и убытков. В современном мире действуют свои законы логики. В нем все основывается на принципе получения материальных благ, от которых не намерена отказываться ни одна держава. Именно это составляет отличие внешней политики умеренного правительства Рухани от его предшественников.

Уже много раз от нынешнего главы внешнеполитического ведомства Ирана приходилось слышать, что в международных делах не существует постоянных друзей и врагов и степень дружественности или враждебности в отношениях с другими государствами определяют национальные интересы страны.

В противоположность этому прошлое руководство Ирана разделяло все страны на два полюса — добра и зла, считая отдельные части внешнего мира либо темными, либо светлыми.

Именно поэтому, набрав в свою команду дипломатов с практичными взглядами, Рухани решил сделать внешнюю политику, которая на протяжении восьми лет власти предыдущего правительства считалась своего рода «ахиллесовой пятой», основой роста могущества и влияния Ирана.

По мнению ныне действующих дипломатов Исламской республики, горькое поражение, которое понесла их страна в связи с вводом санкций, было обусловлено внешнеполитическими просчетами, большая часть из которых была связана с налаживанием контактов бывшего иранского руководства с членами Совета Безопасности.

Незнание либо пренебрежением законами новой внешнеполитической игры стало причиной того, что на протяжении нескольких лет Тегеран был игрушкой в руках соперничавших друг с другом крупных держав.

В какой-то момент неверная оценка, данная прошлым правительством характеру отношений России и Китая с государствами западного блока, привела его к мысли о том, что есть даже надежда на начало войны стран Востока с Западом.

Таким образом, ответ на вопрос о том, в чем заключается отличие кабинета Рухани от его предшественника в свете поездки нынешнего иранского президента в центр «восточного мира», становится очевидным.

Бывшие функционеры иранской дипломатии утверждают, что неверно называть прежние логические действия «провосточной тенденцией внешней политики». Между тем те самые сторонники восточного вектора дипломатии придерживались мнения о том, что все предпосылки для восстания Востока против господства Запада уже созданы и что до последних дней своего могущества Восток будет добиваться свержения Запада ради достижения собственного расцвета.

Наиболее остро эта дискуссия развернулась в период предвыборных дебатов. Тогда Рухани несколько раз указывал своим соперникам на последствия слишком сильного тяготения к Востоку, указывая, что данная политика приведет лишь к заключению малоприбыльных или вовсе неприбыльных контрактов с рядом стран Латинской Америки. В качестве своего главного аргумента он напоминал, что именно эти две восточные державы (Россия и Китай) поставили свои подписи под четырьмя резолюциями Совета Безопасности ООН, наложившими санкции на Иран.

Возвращаясь к нынешней ситуации, стоит отметить, что в ходе своего нашумевшего визита в Китай Рухани и его дипломаты больше всего добивались воплощения некой реалистичной балансирующей модели сотрудничества как с Востоком, так и Западом. При личной встрече с Путиным и Си Цзиньпином иранский лидер пытался доказать, что диалог Тегерана с Западом вовсе не означает удаления от партнерских отношений с Востоком или исключения России и Китая из числа своих будущих партнеров.

Сегодня Исламская республика старается по-новому выстроить отношения с внешнеполитическими партнерами, чтобы те забыли об образе «слабого и беспомощного Ирана».

На протяжении восьми лет, когда у власти в стране стояло прежнее правительство, данное представление позволяло иностранным государствам обращаться с Ираном как с разменной монетой при достижении собственных политических и экономических интересов.

В любом случае, поездка в Пекин была испытанием для дипломатии Рухани. Все же время для этого визита было выбрано как нельзя удачно.

Переговоры иранских представителей с руководством Китая и России начались в условиях того, что уже на протяжении шести месяцев регулярных встреч с западными дипломатами в Женеве и Вене Исламская республика так и не смогла добиться хотя бы относительного доверия к себе со стороны Европейского Союза и Соединенных Штатов и таким образом сократить свою зависимость от двух конкурирующих с ними держав (Китая и России).

Между тем в отношениях Запада с восточными государствами, особенно с Россией, произошли значительные изменения, в которых некоторые аналитики видят новые возможности для Тегерана.

Украинский кризис, подобно незаживающей ране, заставил все-таки Россию вступить в масштабное противостояние с Западом, и теперь санкции, примененные когда-то против Тегерана, вводятся в отношении Москвы.

Тем не менее кажется, что нынешнее иранское правительство, в отличие от предшествующего кабинета, не намерено делать ставки на то, какая сторона одержит верх в споре между Западом и Россией.

Опыт прошлых лет научил Иран не ставить свою судьбу в зависимость от милости или гнева других держав.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

Херсин, провиния Керманшах

